

Поэтому князь Цзинь хоть и знал, что этот способ уродлив и дурен, всё равно держал его при себе — лишь бы ежедневно смотреть на его нелепые выкрутасы да потешаться и развлекаться для улады скуки.

— Опять не то, опять не то, кажется, твои зрочки придётся выковыривать дважды, — хохотал князь Цзинь. — Этот кусок — вовсе не нефрит в золотой оправе, это же нефрит внутри камня!

-

Выйдя из пиршественного зала, Шэнь Си под руководством служанки вернулся в свои покои. То был уединенный маленький дворик в самом углу княжеского поместья; по сравнению с резными беседками и многоярусными теремами, где обитали другие «приемные сыновья», он выглядел несколько убого, но Шэнь Си, к счастью, нисколько об этом не заботился.

Весь двор был вымощен серым кирпичом, в юго-восточном углу зеленело несколько кустов зимоцвета, а на западной стороне выстроилась в ряд стойка для оружия, где в полном изобилии имелись и сабли, и пики, и мечи, и алебарды. Шэнь Си мысленно кивнул: поистине прекрасное местечко для ежедневной утренней тренировки.

Три помещения главной постройки соединялись анфиладой без глухих перегородок. Едва переступив порог, можно было заметить стоявший посреди комнаты стол из грушевого дерева, на котором аккуратно расположились простые принадлежности: кисти, тушь, бумага и тушечница. На полках позади стола красовались разнообразные тома трактатов: «Шесть секретных стратегических учений У-цзы», «Люй тао», «Вэй Ляо-цзы», «Законы Сюаня» — все те труды по военному делу, что он привычно перелистывал день за днем. Рядом на стене бок о бок висели большой медный лук из желтого дерева и трехфутовый синий меч, к которому он так привык.

Слева от книжного шкафа стояла огромная ширма с тушью, на которой была изображена «Осенняя изморозь заставы»: бурный ветер и крепкая трава, мчащиеся во весь опор кони, а широкие, мощные мазки дышали беспредельной свободой. Обойдя ширму, попадаешь в спальню: при первом же взгляде бросалась в глаза полная простота — от стеганых одеял и мягких подушек до пологов и занавесок, — всё было сшито из грубой ткани, без узоров и украшений, и ничем не отличалось от того, чем он пользовался в армии.

Всё предстарелое перед глазами немало удивило Шэнь Си. Если бы не то, что он покинул Цзиньюань в одиночку, он бы и впрямь подумал, будто кто-то из домашних помог ему обустроить столь милое сердцу жилище.

— Молодой господин Шэнь, вы довольны? — раздался вдруг за спиной мягкий пожилой женский голос. Шэнь Си торопливо оглянулся и увидел даму лет сорока с лишком, с круглым дородным лицом и спокойными, величественными манерами. По обе стороны от нее стояли две такие же миловидные и приветливые служанки.

Пока он от неожиданности замер, та служанка, что вела его раньше, уже присела в поклоне:

— Ваша служанка приветствует княгиню.

Услышав это, Шэнь Си спешно шагнул вперед, чтобы выразить почтение, но княгиня Цзинь вовремя протянула руку и поддержала его. Махнув рукой служанкам, чтобы они отошли, она с мягкой улыбкой заговорила:

— Пару дней назад князь заранее отправил в поместье человека с гонцом, мчащимся во весь опор, и поручил мне подготовить жилье для его новоприобретенного приемного сына, да еще и подробно объяснил, как всё украсить и расставить. Хотя я и исполнила все требования князя до единого, душа все равно была не на месте — боялась, вдруг я в чем-то неверно истолковала его волю, иначе разве ж гостям подобает жить в таком месте? Но нынче я вижу, что вы вроде бы довольны, и у меня отлегло от сердца.

Шэнь Си от этих слов невольно опешил. Он никак не ожидал, что столь желанное жилье было заблаговременно устроено самим князем Цзинем. Они были знакомы всего несколько дней, а князь уже успел изучить его до такой степени; от этих мыслей невольно нахлынула буря чувств.

Помолчав немного, Шэнь Си пришел в себя, низко поклонился княгине Цзинь и поблагодарил ее:

— Благодарю вас за милость, матушка. Вы столь высокого положения и старше годами, а вам еще пришлось хлопотать и заботиться обо всем этом — Шэнь Си чувствует себя ужасно неловко.

Княгиня ласково улыбнулась, увлекла его за стол и усадила, заговорив непринужденно, словно в обычной беседе:

— Молодой господин Шэнь, к чему эти церемонии? В этот раз именно благодаря тому, что вы повели войска на деблокаду, князю удалось спастись. Вы — благодетель князя, а значит, и мой благодетель тоже. Все те мелочи, что я сделала, по сравнению с вашим спасительным подвигом — сущий пух. Только что мы виделись с князем, и он рассказывал мне, как вы, явившись словно с небес, разгромили мятежников — я просто восхищена! Кстати говоря, своим стилем ведения дел вы напомнили мне одного человека...

— О? — Шэнь Си не удержал любопытства. — Кого же?

Глаза и брови княгини чуть сузились:

— Тот человек... был прежний князь Цзинь. Такой же дерзкий, идущий наперекор всему...

Шэнь Си от удивления широко раскрыл рот, на миг забыв о всяком почтении и непочтительности:

— Князь Цзинь, о котором говорит госпожа, неужели тот самый князь Цзинь, о коем известно мне?

— Люди ведь имеют свойство меняться. Если бы не те события... Эх, ладно, — княгиня беспомощно покачала головой, а в ее улыбке проскользнула горечь. — Разве вы не знаете, что у людей здесь по несколько лиц? Сегодня они играют одно, завтра — другое. Порой так вживаются в роль, что забывают, кто они есть на самом деле.

Шэнь Си вовсе не собирался выпытывать, какое прошлое было у князя Цзиня, однако эта заботливость князя вызывала у него глубокую благодарность. Поразмыслив так и этак, он решил посоветоваться с княгиней:

— Весь этот путь князь оказывал мне всевозможные милости, да вдобавок лично распоряжался насчет моего быта. Младшему очень хочется выразить князю свою благодарность, но не знает ли матушка, есть ли у него какие-то особые пристрастия или привычки?

Княгиня задумалась на мгновение и проникновенно ответила:

— Князь богат настолько, что владеет царствами, и ни в чем не нуждается, вот только порой бывает слишком одинок. Если молодой господин Шэнь расположен к этому, почаще зовите князя вместе выпить вина да поупражняться с мечом.

От этих слов Шэнь Си даже немного смутился:

— Что вы говорите, матушка? Возле князя полно искусных мастеров и талантливых людей, боюсь, в обществе такого человека, как я, он вовсе не нуждается.

Княгиня и сама почувствовала, что перешла черту, поэтому неопределенно улыбнулась и поднялась, чтобы распрощаться. Пройдя пару шагов, она снова остановилась, немного подумала и, наконец решившись, произнесла:

— Все эти годы я веду уединенный образ жизни, не вмешиваюсь в мирские дела и редко показываюсь на людях. Я не ведаю, кто при дворе князя обрел влияние, а кого жалуют особой милостью. Но... с тех пор как я вошла в поместье князя Цзинь, прошло уже больше десятка лет, и это первый раз, когда князь поручил мне лично позаботиться о ком-то...

Глава 10. На ветру танцует застава в осенней прохладе, сам стреляет в тигра

Едва забрезжил рассвет, утренний туман пропитался густым холодом. Князь Цзинь в парчовом халате полулежал в кресле с резной спинкой, подперев рукой лоб, а между бровей клубилась смутная, едва заметная пелена хмурости. На столе перед ним была раскинута исчерченная карта Цзиньюаня, помеченная кистью с кинovarью: бесчисленные горы и реки, тракты и горные заставы представляли как на ладони.

Пламя светильника на резной восьмигранной подставке рядом вдруг качнулось и наконец угасло, оставив лишь тонкие струйки бледно-голубого дымка, призрачные и неуловимые.

Как раз сегодня на рассвете князь получил весть от лазутчика, внедренного в татарское племя: две элитные конницы под предводительством татарского вождя хана Гуличжэня в последнее время тайным образом стягивались на юг, а острие их удара было направлено прямо на Цзиньюань.

Цзиньюань являлся северным замком Великого Чжоу; стоило пасть этому месту, как татары могли беспрепятственно двинуться вглубь равнин Серединной равнины. Именно поэтому император-Тайцзу специально повелел своему младшему сыну Вэй Люю с титулом удельного князя засесть в Цзиньюане, дабы охранять вечное процветание предкового наследия.

Еще в самом начале мятежа повстанцев князь Цзинь понял, что дело вовсе не так просто. Гуличжэнь отличался хитростью и непомерной жадностью — разве стал бы он даром тратить деньги и силы на поддержку ослепших от голода бунтовщиков? Теперь же становилось ясно, что это был лишь маневр для отвода глаз: истинной целью хана Гуличжэня являлось использование мятежников в качестве приманки, чтобы стянуть войска Великого Чжоу на северо-восточный рубеж, а затем внезапно напасть на Цзиньюань.

Этой битвы, похоже, никак не избежать... Но как ее вести?

Если хочешь сберечь силы, остается лишь безоглядно отступать. Но если земли Цзиньюаня будут потеряны, он не только превратится в бродячую собаку, но и навлечет на себя проклятия всего народа. И наоборот: если пойти ва-банк и сражаться насмерть, неизбежно понесешь тяжелые потери в людях и технике, серьезно подорвав свои корни. Тогда нет гарантии, что маленький император не воспользуется моментом для смертельного удара, чтобы полностью уничтожить его как занозу в сердце.

Ныне же ошибочно и вступать в бой, и уклоняться от него — истинно оказался меж двух огней, когда шаг вперед и шаг назад одинаково трудны.

-

Сытный завтрак был подан на стол. Несколько служанок с пиалами, полотенцами и ночными вазами почтительно замерли рядом, но у князя Цзиня особого аппетита не наблюдалось.

Заметив в дверях нескольких мальчишек-слуг, он лениво махнул рукой, разрешая войти и доложить. Те по очереди приблизились: один доложил, что молодой господин Чжан с утра пораньше лично поколдовал на кухне и сварил кашу из семян лотоса, приглашая князя откусать вместе; другой произнес, что ночная луна была столь ясна, что молодой господин Гэ вдохновился и сочинил стихотворение в подарок князю, прося его оценить творение; третий же заявил, что молодой господин Цзян тяжело болен, не берет в рот ни воды, ни риса, и желает видеть князя, чтобы тот навестил его. Князь Цзинь рассеянно выслушал их и в пару фраз спровадил каждого, отчего сделалось еще тоскливее. Он попросту отослал слуг и в одиночку

неторопливо подошел к окну, невзначай глянув вдаль — и к своему удивлению, узрел удивительную картину...

Кабинет князя Цзиня был построен на высоком помосте у берега озера. Из окна второго этажа его кабинета, поверх альпинариев и бамбуковых зарослей, можно было прекрасно рассмотреть весь маленький дворик, где обитал Шэнь Си.

В этот момент только-только рассветало, ночная роса еще не высохла, и в том дворе царила мертвая тишина. Но едва князь собрался отвести взгляд, окно спальни Шэнь Си вдруг со стуком распахнулось, и оттуда из тени вылетел серебристый меч. Не успел клинок коснуться земли, как из окна выскользнула белая фигура: в прыжке совершив хвостом дракона круговой марш, человек винтом ухватился за рукоять и легко приземлился. Следом, едва коснувшись земли носками туфель, он снова взмыл вверх и на сером кирпиче закружил в стремительном танце с мечом — кто же это был, если не Шэнь Си?

Мгновенные выпады, молниеносные смены позиций, превращения — порой он был легок, как ястреб, пронсящий сквозь лес, меч двигался в лад с мыслями, текущий словно облака и вода, взметая в воздух мириады сухих листьев; порой же свиреп, как ядовитая змея, вылезая из норы, слившись с клинком воедино, пронзая пространство и рассекая ветер, неся в себе безжалостную смертоносную ауру; а порой мощен и непреклонен, как спускающийся с гор тигр, с широким размахом, подобно ревущим бурунам, поднимая свирепый вихрь величия, способного проглотить горы и реки... А сам меч обвивал его со всех сторон, порождая бессчетные вспышки клинка: его сияние слепило глаза, словно дневная молния, а звон разил подобно раскату грома!

Бывают же на свете столь прекрасные движения меча! Бывают же люди, способные танцевать с мечом с такой красотой! Вмиг сердце князя Цзиня забило в лихорадочном трепете, он забыл о времени и пространстве, о том, где он и кто он; окружающие беседки, терема, сумрачный бамбук и лазурная вода — всё исчезло без следа, а вместо этого перед глазами встали желтые пески, звон оружия, кони и кроваво-красный закат...

Закончив танец, Шэнь Си выровнял дыхание и медленно опустил меч. Только тогда князь Цзинь заметил, что тот босой, на нем лишь нижняя сорочка и штаны, а густые темные волосы распущены и лишь кое-как стянуты на затылке бамбуковой веткой. Судя по всему, он только что проснулся и, даже не слезая с постели, выпрыгнул в окно ради тренировки.

Может, из-за личных пристрастий, но этот неопрятный вид Шэнь Си, его расслабленное выражение лица и взмокший от пота, раскрасневшийся, растрепанный облик казались князю невыразимо изысканными и отрешенными от мирской суеты.

А тем временем Шэнь Си, волоча меч за собой и пребывая в полусонном состоянии, зашагал обратно, но перед одной из дверей вдруг замер в растерянности. Озадаченно оглядевшись по сторонам, он глуповато шлепнул себя по лбу и повернул к спальне.

Лишь спустя добрую половину дня князь Цзинь сообразил: ха! Да этот парень просто

заблудился у себя во дворе! Чем больше он думал об этом, тем забавнее ему казалось. Вокруг не было ни души, и он, расхохотавшись, заплясал от веселья прямо как ребенок. Потеряв от радости голову, он нечаянно задел фарфоровую парную вазу с ушками в форме жуи на антикварной этажерке — с глухим звоном тысяча серебряных лянов канули в лету, однако тяжесть и тоска в груди тоже рассеялись больше чем наполовину.

Успокоившись, князь Цзинь решил, что должен сделать хоть что-то первым...

-

Шэнь Си и ведать не ведал, что каждое его движение было подмечено князем Цзинем. Покончив с тренировкой и умывшись, он принялся тискать пухленького маленького лисенка. Хотя зверек и был мал, но все же оставался хищником: поначалу от страха он неизменно сворачивался клубочком в углу, ведя себя довольно смирно. Теперь же, когда они привыкли друг к другу, лисенок осмелел и то и дело принимался бешено верещать и барахтаться, оставив на руках и тыльной стороне ладоней Шэнь Си множество царапин. Впрочем, эту парочку — человека и лиса — можно было назвать сошедшимися в схватке; день за днем — и они заметно сблизились.

Присланную для прислуживания горничную Шэнь Си на второй же день отпроводил назад, сказав, что у него в глазах рябит от мельтешения разряженных девиц и делается только тошно. С тех пор, помимо грубой служанки, приносившей воду и еду, в его дворик никто больше не заглядывал. Все решили, что он по природе надменен и своенравен, с ним трудно сойтись, и потому держались от него еще дальше.

Оставшись один, Шэнь Си чувствовал себя вполне вольготно: еда солонее или преснее — он всё уплетал за обе щеки, постель тоньше или толще — стоило прилечь, как он мгновенно засыпал. В свободное время он либо изучал военные трактаты в комнате, либо отправлялся в конюшню чистить своего Чжаньфэна. Спустя добрых полмесяца, кроме князя Цзиня, во всем поместье больше всего слов он перебросил с конюхами.

Время было раннее, делать было нечего. Шэнь Си ухватил лисенка за густой воротничок на шее и повернул его мордочку к себе:

— Братец Люли, ты здесь совсем один, без родных и близких, небось, смертельно скучаешь?

Лисеня напрасно замахало всеми четырьмя лапами, яростно царапая воздух.

Шэнь Си с наигранным вздохом протянул:

— Эх, мне вот и хочется домой, да не вернуться, а у тебя и дома-то отродясь не было. По сравнению с тобой я еще счастливый человек.

Добравшись до поместья, он было собирался написать отцу письмо, чтобы тот не беспокоился, но испугался, что это навлечет беду на близких, и в конце концов отказался от этой затеи. Нынешний император питал немалые подозрения к князю Цзиню, и любому, кто оказывался связан с ним, уже не видать доверия. А потому он просто оборвал всякую связь с Вэй Юем.

В этот момент маленькая служанка вошла с коробкой для еды:

— Молодой господин Шэнь, прошу откусать завтрак.

Расставив чаши и палочки, она передала слова князя:

— Князь велел передать молодому господину, чтобы после еды вы заглянули к нему в кабинет.

Шэнь Си буркнул «угу» и принялся за еду. Пока служанка разворачивалась, чтобы налить чаю, он уже смел всё со стола, словно буря, заставив девушку прикрыть рот ладонью и захихикать.

От этого смешка Шэнь Си и сам слегка смутился:

— Смеешься над тем, как некрасиво я ем?

Служанка поспешно присела, потупив взор:

— Ваша служанка не смеет насмехаться над господином, просто редко доводится видеть, чтобы кто-то уплетал за обе щеки с таким аппетитом. Знает ли молодой господин, что у нас в поместье есть молодой господин Цзян? Из-за слабого здоровья он целыми днями пьет лишь отвары и не ест зерна. Все говорят, что от него исходит истинно бессмертный дух, и князь из-за этого жалуется ему пуще прежних. Это побудило остальных молодых господ в поместье подражать ему: каждый возжелал стать небожителем и еще больше отказался нормально питаться.

Шэнь Си лукаво моргнул:

— Тогда тебе при случае стоит послушать, заурчат ли животы у этих ваших господ-небожителей, когда они проголодаются, или же даже урчание их животов звучит как божественная музыка?

Девушка призадумалась и не удержалась — заливисто расхохоталась над его шуткой.

-

Когда князь Цзинь с безмятежным видом вернулся к столу, Гу Чжоцзы и Сунь Рушан тоже

подошли один за другим. Князь без лишних церемоний приветливо махнул рукой:

— А-Юань, Вэньфу, вы трапезничали? Садитесь, составьте мне компанию.

Те из вежливости немного поупирались, уселись на нижние места, но никто из них так и не посмел по-настоящему притронуться к еде. Убедившись, что вокруг нет чужих, Гу Чжоцзы слегка подался вперед и понизил голос:

— Докладываю князю: подчиненные получили донесение. Гу Минчжан действительно послал людей расследовать дело Шэнь Вея, но вовсе не из-за того письма. Слух также дошел до меня... что Шэнь Вэй и Хо Дуань на самом деле так и не прервали связи, и семья Хо бежала за заставу благополучно лишь благодаря помощи Шэнь Вея. Иначе за преступления рода Хо полагалась смертная казнь для всех членов семьи.

Князь Цзинь, услышав это, на миг опешил, молча опустил пиалу с кашей и, опустив взгляд, замолчал, лишь потягивая чай. Гу Чжоцзы проследил за его выражением лица и осторожно осведомился:

— Теперь все зависит от планов князя...

Для князя Цзиня лучшей тактикой было бы оставаться в стороне. Если Шэнь Вэй и Гу Минчжан схватятся между собой, на северном рубеже неизбежно начнется страшная смута; потеря Шэнь Вея, охраняющего Северо-Запад, равносильна отсечению цепей, сковывавших руки и ноги самого князя Цзиня. Что же до этого Гу Минчжана, то он умеет лишь наряжаться, но воевать неспособен — опасаться его вовсе не стоит.

У Гу Чжоцзы было сердце с семью отверстиями и изгибами, он лучше всех умел угадывать мысли вышестоящих, и то, какие чувства князь Цзинь питает к Шэнь Си, он, пожалуй, понимал яснее самого князя. Раз уж посередине застрял Шэнь Си, им придется проявлять крайнюю осторожность, чтобы не навредить делу в борьбе против Шэнь Вея.

Поразмыслив долгое время, князь Цзинь отдал распоряжение:

— Придумайте способ передать эту новость князю Сянхуаю. Мой племянник Вэй Юй — человек выдающегося ума, ему достаточно намекнуть, и он сразу поймет, как поступить. Действуйте осторожно, смотрите, чтобы Шэнь Вэй не догадался, кто помогает из тени: он питает ко мне сильные предрассудки, и если узнает, что всё исходит от меня, боюсь, возникнут непредвиденные осложнения и всё пойдет прахом. — С этими словами он повернулся к Сунь Рушану: — Как дела у Цзян Юньшэна?

Сунь Рушан поспешно ответил:

— Когда он выпьет последние две дозы лекарства, человеку уже почти придет конец.

— Погодите. Дождитесь, пока не разрешится дело клана Шэнь, и только потом действуйте. Живым он еще может пригодиться, — князь Цзинь покачал головой и горько вздохнул. — А-Юань, это дело затрагивает слишком многое, следи за каждым движением со всех сторон. Что же до этого Хо Дуаня... если не остеречься, он и впрямь может стать бедствием...

Едва он договорил, как слуга на лестнице громко доложил:

— Князь, прибыл молодой господин Шэнь!

Лицо князя Цзиня неуловимо переменялось: он никак не ожидал, что Шэнь Си явится так быстро. И хотя стены кабинета обладали отличной звукоизоляцией и можно было не опасаться, что их разговор кто-то услышит, на душе у него все равно скребли кошки — все-таки дело касалось всего клана Шэнь, и ему вовсе не хотелось, чтобы из-за этого между ним и Шэнь Си пробежала черная кошка.

Шэнь Си, поднявшись наверх, сразу почувствовал неладное: князь улыбался как обычно, Гу Чжоцзы безмолвно обмахивался веером, а Сунь Рушан, встретившись с ним взглядом, тут же отвел глаза. Заметив такую картину, он прямолинейно спросил:

— Я пришел не вовремя? Если у князя с двумя господами есть важные дела, я пойду и обожду в другом месте.

— Няньцин напрасно тревожится. Ты — приемный сын нашего князя, а значит, свой человек, и нет никаких важных или праздных дел, от которых тебе нужно уходить, — легко отговорился князь Цзинь и тут же сменил выражение лица на воодушевленную улыбку. — Няньцин прибыл в город Цзиньян уже давно, и целыми днями томиться взаперти в поместье — небось, смертельно заскучал. Как насчет того, чтобы сегодня я вывез тебя за город — поглядеть на прекрасные пейзажи Цзиньюаня?

Глаза Шэнь Си ярко вспыхнули:

— Князь имеет в виду...

Князь Цзинь слегка улыбнулся:

— Отправимся на охоту за город, поскачем верхом на Западных горах! В прошлый раз наша скачка с тобой не закончилась до конца, давай повторим состязание нынче!

Охота была лишь предлогом: он хотел воспользоваться моментом, пока татары еще не напали, чтобы лично осмотреть местность и обдумать план противостояния врагу. Что же до того, почему он взял с собой именно Шэнь Си... он и сам не мог толком объяснить. Может, утренняя сцена с мечом оставила у него слишком сильное незавершенное впечатление...

В этот раз князь Цзинь путешествовал налегке, взяв с собой лишь два отряда телохранителей. Сунь Рушан не преминул выразить беспокойство:

— Князь, всё же лучше взять побольше людей на случай непредвиденных обстоятельств.

Князь Цзинь скосил глаза на Шэнь Си и нарочито протянул:

— Цзиньюань — земли Великого Чжоу, а я — князь Великого Чжоу. С какой стати мне, сидя в собственном доме, страшиться разбойников?

Шэнь Си, конечно же, помнил, что эти слова он сам недавно использовал, чтобы уколоть собеседника. Теперь же, в другой обстановке, князь повторил их с легким оттенком насмешки в голосе, что вызвало у Шэнь Си невольную улыбку и легкое смущение. К счастью, князь ограничился лишь намеком и быстро перевел разговор.

Шэнь Си заметил, что, будь то в Нинчэне или ныне в Цзиньюане, возле князя неизменно неотлучно находились два человека. Помимо белоснежного советника с веером Гу Чжоцзы, имелся еще один телохранитель в синем по имени Ту Моэр. Ту Моэр был тощ, кожа его имела пепельно-синюшный оттенок, а волосы падали на лоб, прикрывая половину лица; на скрытой части кожи залегали страшные, уродливые ожоги. Поскольку Шэнь Си ни разу не слышал его голоса, он подозревал, что тот может быть немым.

<http://bllate.org/book/21936/2279019>